

Времени тратилось много, а улик было собрано поразительно мало. Второй месяц шел процесс, а «отцы» все еще топтались на месте и не знали, судить ли обвиняемую как колдунью или как еретичку.

Кардинал Винчестерский возмущался. Зря он, что ли, сорил деньгами? Подлые попы! Они морочат его, как раньше морочил Бургундец!

Кардинал поселился в Руане специально, чтобы своим хозяйским оком следить за ходом дела. Он нажимал, угрожал, не скупился на обещания.

Попы предпринимали все возможное, чтобы ускорить течение процесса. Но что можно было поделаться с этой чертовой девкой, если она не желала лезть в расставленную сеть? Мало того, теперь вдруг начали обнаруживаться ее сторонники!

Еще в начале февраля Кошон привлек известного нормандского законоведа мэтра Жана Лойе. В этом человеке епископ рассчитывал найти серьезную опору. Каковы же были его удивление и гнев, когда мэтр Лойе дал всему судопроизводству убийственную характеристику!

По мнению нормандца, процесс никуда не годился. Следствие не располагало материалами и велось против правил. На судей и ассистентов оказывали постоянное давление. В ходе допросов была затронута честь французского короля, за которого подсудимая отвечать не могла и которого самого следовало бы привлечь к ответу. Наконец, мэтр Лойе считал, что ученые богословы не имели права ловить простую девушку на сложных теологических вопросах, в существовании которых она не могла разобраться.

С мэтром Лойе был вполне солидарен другой член суда, мэтр Никола де Гупвиль. Гупвиль утверждал, что Жанну не могут судить богословы антифранцузской партии. Она уже была на церковном обследовании — в Пуатье. И если духовенство Пуатье, а сверх того и архиепископ Реймский — непосредственный начальник епископа Бове — в свое время ее испытали и оправдали, то, следовательно, больше и говорить не о чем.